

**АЛЕКСАНДР II
НА БАЛКАНСКОМ ФРОНТЕ 1877 г.:
ШОРЫ ИСТОРИОГРАФИИ¹**

Подписав Манифест об объявлении войны Турции 12 апреля 1877 г.², Александр II пожелал находиться вместе со своей армией на Балканах. 25 мая 1877 г. он прибыл из Петербурга в Плоешти к Дунайской армии, а 3 июля перенес свое местопребывание с румынского берега Дуная на болгарский. Дождавшись падения крепости Плевна (Плевен) и сдачи турецкого военачальника Осман-паши 28 ноября 1877 г., после пятимесячного пребывания в Придунайской Болгарии император отправился в Петербург. В существующей историографии всё еще не выяснена роль императора во время его присутствия в войсках. В дореволюционной литературе она оценивалась однозначно положительно.

Известный писатель граф В.А. Соллогуб (1813–1882), назначенный в Императорскую Главную квартиру в качестве официального историографа, в своем труде «Дневник высочайшего пребывания императора Александра II за Дунаем в 1877 году» несколько высокопарно определил сокровенный смысл присутствия императора на Балканском фронте: «Он шел как самый первый в семье своего народа, и в этом личном шествии уже высказывалось непоколебимое намерение достигнуть всемирно-объявленной цели. Личный переход через Дунай обозначал, что отступления не будет <...>

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант 18–512–76004)

² Даты даются по юлианскому календарю, принятому в Российской империи.

оставалось идти вперед по воле Божьей, по желанию народа, по долгу совести»³. Необходимость нахождения Александра II в армии заключалась, по мнению Соллогуба, в следующем: «Само же присутствие государя <...> изобличало три значения: сердобольное, одушевляющее и наблюдательное. К первому относились неусыпное посещение и утешение раненых; ко второму — пример личной самоотверженности, объявления войскам подвигов дальних товарищей и щедрые награды за отличия; к третьему — монаршие мероприятия в случаях, превышающих власть главнокомандующего»⁴. Именно третье «значение» являлось важнейшим «в смысле стратегическом», так как монарх мог оперативно «изменить план кампании, поспешно двинуть новые массы войск, предписать сооружение шоссейных путей и железных дорог, указать места и способы зимовок», а также решить дипломатические вопросы. Соллогуб первым вступил в полемику с иностранной печатью и «словесными пересудами русского общественного мнения», которые утверждали, что присутствие императора задержит и стеснит действия армии, но граф доказывал обратное и, воздавая должное императору, расценивал пятимесячное пребывание Александра II за Дунаем как подвиг⁵.

Создание подлинно научной биографии монарха требует полноты источникового комплекса, а также соответственно временного удаления, чтобы без пристрастия, но объективно понять и оценить его царствование. До 1917 г. в печати в основном появлялись сочинения⁶, подобные статье С.И. Пономарева «Александр II. Царь-освободитель». В первый раз она была опубликована на страницах «Журнала министерства народного просвещения» (1898), а в 1902 г., к 25-летней годовщине начала русско-турецкой войны, была переиздана отдельной книгой, которая предназначалась для пополнения

³ *Соллогуб В.* Дневник высочайшего пребывания императора Александра II за Дунаем в 1877 году. СПб., 1878. С. XXXII.

⁴ Там же. С. XXXIII–XXXIV.

⁵ Там же. С. 272.

⁶ *Надлер В.* Двадцатипятилетие царствования императора Александра II (1855–1880 гг.). СПб., 1885.

библиотек низших, средних и высших учебных заведений, а также народных читален и библиотек. Освещая присутствие монарха на Балканском полуострове, автор подчеркивал, что благодаря ему «каждая решительная военная мера принималась без проволочки времени», «труды и заслуги награждались немедленно», «уход за ранеными совершался быстро и внимательно». Александр II лично вникал во все военные распоряжения, «велел объявлять во всеобщую известность весь ход дела, лично говорил Свое Царское спасибо и оживляющее ласковое слово»⁷.

Первое научное исследование — «Император Александр II. Его жизнь и царствование», изданное к 25-летию юбилею окончания русско-турецкой войны, принадлежало перу дипломата и историка С.С. Татищева (1846–1906). В 1877 г. он поступил в Мариупольский гусарский полк в качестве добровольца, начиная с осады Плевны служил ординарцем при генерале Э.И. Тотлебене; за военные отличия Татищев был произведен в офицеры, но впоследствии оставил военное поприще. Его фундаментальный труд не утратил своего научного значения и поныне. Опираясь на доступные ему источники, Татищев показал значимость пребывания на Балканском фронте императора, который, по его словам, «горел нетерпением быть личным свидетелем боевых подвигов доблестных своих войск». Александр II «тщательно отстранял себя от руководства военными действиями, предоставляя в этом отношении полную свободу и независимость главнокомандующему». Тем не менее «добрыми советами» он сдерживал «порывы и увлечения полевого штаба». Автор подчеркнул, что голос императора был главным на военных советах 1 сентября и 30 ноября 1877 г., определивших весь дальнейший ход военных действий. Так, на военном совете 1 сентября 1877 г. Александр II «в сознании ответственности своей перед Россией», как он сам выражался, рассказывая об этом эпизоде близким ему лицам, нашел, что царю принадлежит решающее слово». Главнокомандующий и некоторые генералы (П.Д. Зотов, князь

⁷ Пономарев С.И. Александр II. Царь-освободитель. СПб., 1902. С. 33–34.

Н.Ф. Масальский) предлагали разные варианты отступления от Плевны к Дунаю, генерал К.В. Левицкий, помощник начальника полевого штаба армии, энергично возражал, утверждая, что посредством блокады или осады следовало принудить Осман-пашу к безусловной сдаче, что таков долг, которого «требуется не только честь армии, но и честь государства». Военный министр Д.А. Милютин еще более развил мнение помощника начальника полевого штаба армии. Александр II, у которого «личное мнение было уже составлено», приказал принять мысли Левицкого и Милютина за основание будущих действий. 30 ноября после падения Плевны на совещании в Поррадиме (Пордим) император, выслушав предложения дальнейших действий Дунайской армии, утвердил «смелый план великого князя»⁸.

Не успели отгреметь последние выстрелы русско-турецкой войны, как по высочайшему повелению Александра II была создана Военно-историческая комиссия Главного штаба русской армии по обобщению опыта войны. Интенсивно собирались опубликованные впоследствии (в 97 выпусках или в 112 книгах) официальные и личные документы; вышел фундаментальный обобщающий труд — 9-томное (в 16 книгах) «Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове» (1901–1913), плод усилий целого коллектива авторов (более 30 человек), куда входили многие известные историки и военные теоретики: К.М. Войде, М.А. Домонтович, Н.Д. Артамонов, Е. Аренс, М.А. Газенкампф и др. Необходимо отметить, что ученые в своей работе руководствовались следующим положением, которое вменялось Военно-исторической комиссии при ее создании и которое даже специально выносилось на титульный лист каждого тома в виде эпиграфа: «Составить полное систематическое описание всех событий войны, не вдающееся в несвоевременную критику, но излагающее с полной правдивостью фактическую их сторону».

Выполнение поставленной задачи способствовало огромному приросту исторических фактов и вполне отвеча-

⁸ *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2010. С. 351–352, 357.

ло распространенным в исторической науке того периода идеям позитивизма. Нельзя не согласиться и с советским военным историком В.А. Золотаревым, который подчеркивал, что указанные ограничения были вызваны стремлением «оградить двор и высшие военные круги от возможных упреков в некомпетентности»⁹. Однако весьма нелицеприятная и конструктивная критика военачальников содержалась в многочисленных воспоминаниях, дневниках, письмах участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг., которые публиковались в журналах и выходили отдельными изданиями. С другой стороны, вероятно, сразу после войны не пришло еще время критического анализа деятельности конкретных личностей, поскольку участники недавних сражений были живы и продолжали занимать высокие посты. Кроме указанного «Описания...» появились и монографии видных военных историков — П.А. Гейсмана, М.А. Домонтовича, А.К. Пузыревского и др. Таким образом, до 1917 г. был сформирован значимый и обширный массив изданных источников и исследований. В целом русская военная литература, с пиететом относясь к императору, констатировала, что Александр II постоянно корректировал планы главнокомандующего и в чрезвычайных обстоятельствах брал на себя ответственность за принятие решений, от которых зависела участь всей военной кампании¹⁰.

Советская историография внесла свою весомую лепту в разработку проблем русско-турецкой войны 1877–1878 гг., с новых методологических и идеологических установок подошла к разработке причин, характера и политического значения этой войны для развития национальной государственности балканских народов, исследовала русско-болгарское боевое содружество, а также показала значительный вклад в войну за освобождение Болгарии народов Украины, Белоруссии, Молдавии, Кавказа, Прибалтики, представители ко-

⁹ Золотарев В.А. Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. Апофеоз Восточного кризиса. М., 2005. С. 159.

¹⁰ Домонтович М.А. Обзор русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1900. С. 54.

торых сражались в рядах русской армии¹¹. Разумеется, дореволюционная литература критиковалась за идеалистический подход в рассмотрении русско-турецкой войны, за классовую тенденциозность при отборе фактического материала. Так, В.А. Золотарев, посвятивший не одну свою работу изучению дореволюционной историографии о русско-турецкой войне 1877–1878 гг., отмечал, что война трактовалась «с откровенно апологетических позиций»: «шло открытое восхваление заслуг лиц царской фамилии, серьёзное исследование подменялось описанием подвигов»¹². При этом достижения ученых Советского Союза в разработке темы оценивались им высоко¹³.

Но в целом в советской литературе при достаточно объективном изучении и освещении основных событий русско-турецкой войны 1877–1878 гг. пребывание Александра II на Балканском фронте практически не освещалось¹⁴. Впрочем, советская историография вообще отличалась «безлюднос-

¹¹ Улуян А.А. Советская историография о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Советская болгаристика. Итоги и перспективы. М., 1983. С. 49–55; Золотарев В.А. Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. Апофеоз Восточного кризиса. М., 2005. С. 314–337.

¹² Золотарев В.А. Противоборство империй... С. 159.

¹³ Золотарев В.А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в отечественной историографии // Вестник общественных наук Академии наук армянской ССР. 1978. № 3; Он же: Проблемы войны 1877–1878 гг. в отечественной историографии (1920–1980 гг.) // Противоборство империй... С. 201.

¹⁴ Фортунатов П.К. Боевой русско-болгарский союз в войне 1877–1878 годов // Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1953. С. 47–70; Конобеев В.Д. Борьба болгарского народа за национальную независимость в период русско-турецкой войны 1877–1878 годов и против решений Берлинского конгресса // Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1953. С. 71–138; Залесский С.А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. // Страницы боевого прошлого. Очерки военной истории России. М., 1968. С. 288–321; Бескровный Л.Г. Русское военное искусство XIX в. М., 1974; Ростунов И.И. Боевые действия русской армии на Балканах в 1877–1878 гг. // Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Балканы. М., 1978. С. 10–25; Улуян А.А. Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1994.

тью»: «Все события развивались как будто без участия действующих лиц»¹⁵, — подчеркивает современный российский историк В.В. Лапин. «Интерес к личности монархов искусственно сдерживался по идеологическим соображениям, что и объясняет безразличие исторической памяти к Александру II»¹⁶, — отмечал преподаватель МГУ им. М.В. Ломоносова А.П. Шевырев.

А если царское имя и упоминалось, то, как правило, в несколько негативном контексте. Так, военный историк Н.И. Беляев объяснял приезд Александра II в действующую армию тем, что он, надеясь «на легкое достижение победы и быстрый разгром Турции», хотел поднять свой личный престиж в стране. Беляев отметил значительный размер Главной квартиры императора, прибывшей на Балканский театр военных действий «в составе нескольких сотен чинов разного рода». Для ее «передвижения требовалось 17 поездов или от 350 до 500 подвод». Советский ученый считал, что присутствие царя на театре военных действий «сильно стеснило действия командования Дунайской армии и впоследствии в ряде случаев сыграло крайне отрицательную роль». Одновременно, по мнению Беляева, главнокомандующий великий князь Николай Николаевич был «склонен преувеличивать реальную целесообразность пребывания царя на театре военных действий и впоследствии часто использовал это для оправдания своих неудачных действий»¹⁷. В комплексе причин, в результате которых на военном совещании 1 (13) сентября 1877 г. было принято решение не отступить за Дунай, а организовать осаду Плевны, главную роль, полагал Беляев, играли не чисто военные резоны, а «соображения внешней и внутренней политики»: царь боялся «неизбежного падения международно-

¹⁵ *Лапин В.В.* Предисловие // Трагедия реформатора: Александр II в воспоминаниях современников. СПб., 2006. С. 18.

¹⁶ *Шевырев А.П.* Почему тема реформ Александра II не востребована сейчас научным сообществом и мало (за пределами юбилея) востребована обществом? // Трагедия реформатора: Александр II в воспоминаниях современников. С. 123.

¹⁷ *Беляев Н.И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956. С. 117.

го авторитета царской России» и «усиления революционного движения в стране»¹⁸.

1990-е годы внесли важные коррективы в отечественную историографию, благодаря чему стали появляться и труды, посвященные непосредственно самому Александру II. Советский историк, известная исследовательница крестьянской реформы 1861 г. Л.Г. Захарова (1933–2017), в русле повышенного внимания историографии к личностям и судьбам российских монархов, возникшего в результате смены парадигмы в исторической науке, опубликовала несколько статей, главным героем которых стал царь-освободитель¹⁹. В сюжетах о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Захарова отмечала, что Александр II считал своим долгом находиться в тылу армии, там, где были раненые, и подчеркивала его человечность и милосердие. Однако она считала, что постоянное вмешательство царя, горевшего желанием «принять участие в бою», согласно записям в дневнике военного министра Милютина, представляло опасность, «вносило только напряжение и сумятицу»²⁰. В ее статье «Александр II и Дмитрий Милютин: взгляд на решение “Восточного вопроса”» в рассказе о военном совете 1 (13) сентября 1877 г. акцент был сделан на значимость роли Милютина: командование и царь склонялись к отступлению, но в этот критический момент по настоянию именно военного министра было принято решение об осаде, завершившейся победой и предопределившей окончание войны²¹.

¹⁸ Там же. С. 252.

¹⁹ Захарова Л.Г. Александр II // Российские самодержцы. М., 1993; Она же: Александр II и Дмитрий Милютин: взгляд на решение «Восточного вопроса» // Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. М., 2001. С. 87–104; Она же: Александр II и место России в мире // Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 372–402; Она же: Александр II: человек на троне // Александр II: pro et contra. СПб., 2013. С. 790–803.

²⁰ Захарова Л.Г. Александр II. С. 207.

²¹ Захарова Л.Г. Александр II и Дмитрий Милютин... С. 99.

Свидетельством исследовательского интереса к особе Александра II является монография Е.П. Толмачева «Александр II и его время», изданная в двух томах (М., 1998). В ней очень подробно описана русско-турецкая война 1877–1878 гг., однако сохранена принятая в советской историографии практически «безличностная» манера изложения, поэтому не выявлена роль императора, присутствовавшего на Балканском фронте.

Профессор кафедры истории России Московского педагогического государственного университета Л.М. Ляшенко в книге «Александр II, или История трех одиночеств» (М., 2002) в довольно кратком сюжете о русско-турецкой войне 1877–1878 гг., постарался высветить позицию и чувства монарха в напряженные моменты в ходе войны. Так, после второго штурма Плевны император, по мнению автора, запаниковал, спрашивая у окружающих: «Что же это, второй Севастополь?» Ляшенко полагал, что Александра II можно было понять, так как его «царствование началось с позорного поражения русской армии в Крымской войне», у «него не было навыка военных побед, у него не было духа победителя, а вот опыт побежденного он имел и ни в коем случае не хотел его обогащать»²². Рассуждения историка звучат достаточно убедительно, только (если опираться на известную работу Л.М. Чичагова «Дневник пребывания Царя-Освободителя в Дунайской армии в 1877 г.») восклицание «Что же это, наконец, второй Севастополь!» вырвалось у императора не после второго штурма Плевны, а после прочтения им 11 августа 1877 г. депеш об отраженных в тот день защитниками Шипки атаках турок²³. Именно защиту Шипкинского перевала, а не попытки русских взять Плевну, генерал-майор В.Д. Коссинский (1830–1889) сравнивал с обороной Севастополя, поскольку сам принимал участие в сражениях на бастионах города в 1855 г. и на Шипке. Вернувшись оттуда, он 17 августа докла-

²² Ляшенко Л.М. Александр II, или история трех одиночеств. М., 2002. С. 243.

²³ Чичагов Л.М. Дневник пребывания Царя-Освободителя в Дунайской армии в 1877 г. СПб., 1995. С. 239.

дывал о произошедшем Александре II, отметив, что приступы турок на Шипке ему напомнили Севастополь, «только в слабой степени»²⁴.

Ляшенко подчеркивал, что лишь благодаря Александру II была прекращена «безобразная сцена» между главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем и военным министром Милютинным на военном совете 1 (13) сентября 1877 г. и спор разрешился в пользу последнего. Современный ученый задавался вопросом, как бы закончился этот военный совет, если бы «император остался в Петербурге и не последовал за армией».

Во время осады Плевны главной заботой монарха были раненные солдаты и офицеры. В монографии Л.М. Ляшенко приведены свидетельства современников об изменившемся внешнем виде Александра II, вернувшегося в Петербург из Дунайской армии: прежде «высокий и красивый воин, державшийся прямо, несколько склонный к полноте», превратился после Балкан в «старика». Ляшенко объяснил такие перемены в облике императора не только следствием перенесенных им болезней за время военной кампании, физических лишений и опасностей, которым не раз подвергалась Ставка главнокомандующего под Плевной, но и «странного предчувствия», во власти которого он находился: ему казалось, что он умрет, как и его отец, если начнется вооруженный конфликт с Турцией. «Жить под грузом постоянных мыслей о смерти очень тяжело»²⁵, — заключал Ляшенко.

Советский ученый В.Г. Чернуха (1930–2014), автор нескольких исследований о реформах Александра II и его внутренней политике и участник издания его дневников и писем, во введении «Великий реформатор и великомученик» к очередному тому из серии «Русский путь» о царствовании Александра II объясняла длительное его пребывание на фронте по-своему. Она писала, что император «ясно осознавал свою личную ответственность за начатую войну, принесшую ему немало огорчений», и считал себя обязанным разделить воен-

²⁴ Там же. С. 263.

²⁵ Ляшенко Л.М. Александр II. С. 244–245.

ные тяготы вместе с солдатами и офицерами. Исследовательница также подчеркнула, что эта война стала «своего рода семейным предприятием Романовых», поскольку Александр II, пытаясь укрепить престиж императорской власти и царствующей фамилии, привлек к участию в ней почти всех взрослых великих князей. По количеству находившихся на фронте членов императорской фамилии, отмечала В.Г. Чернуха, «эта война была делом небывалым»²⁶.

В других работах современных авторов об Александре II его присутствие на Балканском фронте в 1877 г. также не получило внимательной проработки, но в них продолжает доминировать преимущественно негативная оценка, которая складывалась из многих параметров. Так, Анри Труайя (Л.А. Тарасов, 1911–2007), французский писатель армяно-русского происхождения (называвший себя «русским армянином»), член Французской академии, автор серии «Русские биографии», исследователь исторического наследия России, полагал, что Александр II «ни в коей мере не обладал качествами полководца» и, сознавая свою некомпетентность в области стратегии, отказался принять на себя личное командование военными операциями. Однако, желая «испытать свою долю лишений и опасностей» вместе со своей армией на Балканах, он «и представить себе не мог, что его присутствие... не только не воодушевит войска, но и внесет сумятицу в руководство ими из-за соперничества среди генералов». К отрицательным моментам французский историк относил и многочисленность свиты царя, особо подчеркивая, что Генеральный штаб императора составлял «несколько сотен человек» и для их «транспортировки потребовалось 17 железнодорожных составов». «Когда штабные генералы и офицеры высаживались из вагонов, роскошь их мундиров и экипажей вызывала восхищение»²⁷, — повторял Труайя за британским корреспондентом газеты «Daily news» Арчибалдом Форбсом.

²⁶ Чернуха В.Г. Великий реформатор и великомученик // Александр II: pro et contra. СПб., 2013. С. 32.

²⁷ Труайя А. Александр II. М.: Эксмо, 2003. С. 192.

Популярный автор книг по истории России Э.С. Радзинский, отводя царю роль зрителя всех происходивших событий за Дунаем, «разбирателя споров», не несущего ответственности «за боевые действия и кровь», также акцентировал внимание на громадности его свиты, требовавшей более 500 подвод²⁸. Современный историк С.А. Кочуков, опираясь на сведения из упоминаемого выше труда Н.И. Беляева, писал, что присутствие императора «требовало определенных усилий», поскольку только для перевозки его «походного багажа» необходимо было 17 поездов или от 350 до 500 подвод²⁹ (хотя Беляев сообщал обо всей Императорской Главной квартире, а не о личном багаже царя). А.Б. Широкоград, современный российский военный специалист по артиллерии, издавший множество книг по истории России, свиту Александра II, как и свиты великих князей, хлестко именует «титулованной саранчой», которая, по его мнению, стала «истинным бедствием для армии», так как для снабжения царя и великих князей требовались «тысячи лошадей и повозок». Он пояснял, что «ужасные дороги были забиты войсками и транспортом», а «в армии были постоянные перебои со снабжением, не хватало лошадей, волов, фуража, повозок и т.п.»³⁰.

Подобные высказывания вышеупомянутых авторов, к сожалению, не подкреплены ссылками на достоверные источники, поэтому голословны. Многие сведения без должного анализа и критики зачастую черпаются из сообщений корреспондентов, впервые допущенных на театр военных действий по решению главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. К середине мая 1877 г. при Дунайской армии, согласно данным Золотарева, находилось 23 корреспондента, в том числе 7 русских³¹. Н.В. Максимов, корреспондент газет

²⁸ *Радзинский Э.С.* Александр II: жизнь и смерть: документальный роман. М., 2006. С. 414.

²⁹ *Кочуков С.А.* «За братьев-славян». Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов, 2012. С. 344.

³⁰ *Широкоград А.Б.* Тысячелетняя битва за Царьград. М., 2005. С. 490.

³¹ *Золотарев В.А.* Противоборство империй... С. 31.

«Голос» и «Русское обозрение», состоявший в отряде М.Д. Скобелева, сообщал, что было аккредитовано около 58 иностранных корреспондентов³². Называются и другие цифры. При этом, по отзыву известного художника В.В. Верещагина, все корреспонденты известных английских и американских газет следовали за армией с большим комфортом³³. Нельзя не согласиться с Золотаревым в том, что во время войны «пресса начала серьезно претендовать на роль четвертой ветви власти»³⁴, поскольку формировала общественное мнение о войне, командовании, сражениях и т.п. Верещагин из всех иностранных корреспондентов выделял американца, корреспондента «Daily news» Я.А. Мак-Гахана (1844–1878), который казался ему «скромным, правдивым человеком и хорошим товарищем». И он, «бесспорно, симпатизировал русским в отличие почти от всех других, писавших в иностранные газеты. Известный А. Форбс, например, прикидывался сочувствующим нам до тех пор, пока был в районе действия армии, но скинул маску тотчас же, как только выбрался на простор»³⁵, — констатировал художник. Другой русский корреспондент, Вас. И. Немирович-Данченко, писал о Форбсе, который уехал из Дунайской армии 31 августа 1877 г.: «Высмотрев все плевенские атаки, определив численность нашей армии, изучив порядки, взвесив качества отдельных деятелей, усвоив себе способность ведения войны и планы всей кампании, он удалился в Лондон под предлогом болезни, не дождавшись даже конца кампании. И там начал “разоблачать”»³⁶. Английского корреспондента ежедневной газеты «Standart» Ф. Бойля за статью, в которой он раскрывал расположение русских войск и укреплений накануне сражения за Плевну и писал о недостатках русской армии «с ехид-

³² Максимов Н.В. Две войны 1876–1878 гг. Воспоминания и рассказы из событий последних войн: в 2 ч. СПб., 1879. Ч. 2. С. 328.

³³ Верещагин В.В. На войне. Воспоминания о русско-турецкой войне 1877 г. художника В.В. Верещагина. М., 1902. С. 119.

³⁴ Золотарев В.А. Противоборство империй... С. 62.

³⁵ Верещагин В.В. Указ. соч. С. 119.

³⁶ Немирович-Данченко В.И. Год войны: дневник русского корреспондента: в 3 т. СПб., 1878. Т. 3. С. 118.

ным злорадством», 12 (24) августа 1877 г. по приказанию главнокомандующего великого князя «изгнали»... с возможно большим скандалом и оглаской» не только из действующей армии, но и из Румынии³⁷. О предвзятости иностранной, особенно английской, прессы по отношению к России в освещении событий русско-турецкой войны хорошо известно³⁸.

Чтобы обеспечить имидж русской армии в Европе, главнокомандующий соглашался и с самым примитивным подкупом. Полковник М.А. Газенкамф, которому великий князь Николай Николаевич поручил вести журнал военных действий, в дневнике от 17 сентября 1877 г. записал: «Сегодня же велено выдать 4000 франков корреспонденту “Wiener-Tagblatt” Лукешу по совету нашего военного агента в Вене Фельдмана. Газета эта расходуется в 40000 экз. ежедневно, поэтому Фельдман находит полезным расположить в нашу пользу ее корреспондента». Деньги назначались как пособие «на покупку экипажа и лошадей»³⁹. Осознав, сколь значимо опубликованное слово, корреспондентам даже стали «заказывать» нужные статьи. Так, по сообщению В.В. Верещагина, военный корреспондент «Московских ведомостей» князь Л.В. Шаховской (1849–1897) выполнил просьбу генерала Гурко и «в возвышенном, даже торжественном тоне расписал как предстоящие трудности перехода через Балканы, так и взятие Горного Дубняка»⁴⁰.

Возвращаясь к вопросу об Императорской Главной квартире, следует сказать, что она действительно имела самый большой состав — 747 человек, какого не было ни у одного из

³⁷ *Газенкамф М.А.* Мой дневник 1877–1878 гг. СПб., 1908. С. 125–126. Об этом инциденте писали в своих работах: *Золотарев В.А.* Противоборство империй... С. 63; *Манахова А.* Британские корреспонденты на театре боевых действий в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. // Меди@альманах. 2014. № 2. С. 54.

³⁸ *Блохин В.Ф., Косарев С.И.* Русско-турецкая война (1877–1878 гг.) в отражении британской периодической печати // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 12–2 (38). С. 22–26.

³⁹ *Газенкамф М.А.* Мой дневник С... 132.

⁴⁰ *Верещагин В.В.* Указ. соч. С. 150.

предшествовавших российских монархов. Авторы работы об Императорской Главной квартире объясняли причины этого «сердечной и крайне доброй натурой» Александра II, который «всегда стремился сделать каждому добро, щедрой рукой рассыпать свои милости на окружавших его лиц и жаловал достойных назначением в свою Свиту»⁴¹. Однако на Балканский фронт с императором в его свите, отправились немногие, и их имена легко выяснить, обратившись к опубликованным источникам. Так, Александр II 25 мая 1877 г. приехал в Плоешти из Петербурга в сопровождении наследника цесаревича, великого князя Сергея Александровича и свиты в 30 человек, которые указаны поименно⁴². В другом официальном издании сообщено, что свиту Его величества составляли 26 человек, включая и великого князя Сергея Александровича (их имена приведены)⁴³. А другой очевидец событий, П.А. Валуев, член Государственного совета и министр государственных имуществ (1872–1879), 22 мая 1877 г. записал в своем «Дневнике», что вечером 21 мая император уехал в армию со «свитой огромной», причем «под Императорскую Главную квартиру потребовалось 17 поездов»⁴⁴. Однако в письме бывшего русского посла в Константинополе Н.П. Игнатьева от 21 мая 1877 г. приводятся совсем иные цифры: «Царский и свитский обозы отправлены с 12 мая из Петербурга 10 поездами»⁴⁵. Он также сообщал, что лица императорской свиты добирались до

⁴¹ Императорская Главная квартира. История государевой свиты. Царствование императора Александра II // Столетие военного министерства. 1802–1902. Кн. 1. СПб., 1914. С. 2.

⁴² См.: Императорская Главная квартира. История государевой свиты. Царствование императора Александра II... С. 327–328.

⁴³ Краткий исторический обзор Императорской Главной квартиры. Царствование императора Александра II. 1855–1881. СПб., 1902. С. 68.

⁴⁴ Валуев П.А. Дневник. 1877–1884. Пг., 1919. С. 12.

⁴⁵ В «Описании русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове» было указано, что для перевозки всех полевых управлений из Кишинева в Плоешти потребовалось 18 отдельных поездов. См.: Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Т. 2. СПб., 1901. С. 52.

Плоешти самостоятельно, и Игнатъев, например, в одном из поездов один занимал целый вагон. Правда, узнав, что в поезде в очень стесненных условиях едут генерал-адъютант М.И. Чертков и генерал-адъютант светлейший князь Б.Д. Голицын 2-й, которых «хотели **набить** в один вагон вместе с другими пассажирами 1-го класса», Николай Павлович пригласил их перейти в одно из отделений своего вагона⁴⁶. Этот пример свидетельствует о том, что сведения из сообщений частных лиц, даже занимавших высокие должности, необходимо проверять и другими, в том числе официальными документами.

Согласно историографу графу Соллогубу, 3 июля 1877 г. царь вступил на болгарский берег Дуная вместе со свитой в 37 человек, включая и представителей иностранных держав⁴⁷. Л.М. Чичагов (1856–1937) в своем фундаментальном труде «Дневник пребывания Царя-Освободителя в Дунайской армии в 1877 г.» привел список членов императорской свиты, насчитывавшей 35 человек⁴⁸. Военный министр Милютин 8 июля писал в своем дневнике, что свита императора значительно уменьшилась, поскольку «некоторые из флигель-адъютантов и генералов из свиты были распределены по корпусам и отрядам. В числе их и все лица царской фамилии»⁴⁹. В.О. Дубецкий, поставщик Императорской Главной квартиры, перечислил 43 человека. И Соллогуб, и Дубецкий указывали, что общий состав Императорской Главной квартиры постоянно менялся, поскольку кто-то отправлялся по поручениям «во временные командировки на боевые линии» или отъезжал по состоянию здоровья, кто-то, напротив, прибывал.

Важно отметить, что зачастую командиров полков взамен погибших назначали именно из лиц Императорской Главной квартиры. Так, 14 июля 1877 г. флигель-адъютант полковник Н.П. Шлиттер по приказу императора стал командиром 17-го пехотного Архангелогородского его императорского высоко-

⁴⁶ *Игнатъев Н.П.* Походные письма 1877 года. Письма к Е.Л. Игнатъевой с балканского театра военных действий. М., 1999. С. 20, 21.

⁴⁷ *Соллогуб В.* Дневник... С. 5–7.

⁴⁸ *Чичагов Л.М.* Указ. соч. С. 171–172.

⁴⁹ *Милютин Д.А.* Дневник. 1876–1877. Т. 2. М., 1949. С. 194.

чества великого князя Владимира Александровича полка вместо полковника И.И. Розенбома, убитого 8 июля в сражении под Плевной. 14 августа в Польшу выехал генерал-майор свиты Ф.П. Веймарн (1831–1913), получивший в командование 7-ю пехотную дивизию, с которой затем принимал участие в военных действиях⁵⁰. С другой стороны, Александр II включал в свою свиту отличившихся офицеров. Так, 10 июля 1877 г. он произвел в генералы «ввиду постоянных отличий адъютанта главнокомандующего полковника Ал.П. Струкова» и назначил его в свою свиту⁵¹. 2 августа император «поздравил» полковника Войска Донского Д.И. Орлова назначением его «своим флигель-адъютантом», 22 ноября — штаб-ротмистра И.И. Бибикова⁵².

Дубецкий констатировал, что обед, подававшийся в столовой палатке, делился на 4 отдельных стола: императорский, гофмаршальский (для особ высших рангов), кавалерский (для остальных лиц свиты) и должностной (для чиновников разных канцелярий). Первые три стола сервировались одновременно, а должностной стол накрывался после окончания обеда на первых трех. Однако реальное разделение первых трех столов существовало только теоретически, на практике оно сказывалось лишь в распределении мест за общим большим столом. Как правило, за ним собиралось до 70 человек, а всего вместе с должностными лицами, службами и прислугой было около 200 человек⁵³. Соллогуб писал, что «самый стол далеко не напоминал придворной роскоши. Два блюда за завтраком, три блюда за обедом», причем царь «для себя не допускал никакого различия». Роскошь выражалась только в том, что столовая походная утварь была серебряная, а за обедом играли музыканты лейб-гвардии Преображенского полка, прикомандированные к сводной гвардейской роте⁵⁴.

⁵⁰ Краткий исторический обзор Императорской Главной квартиры. Царствование императора Александра II. С. 71.

⁵¹ *Чичагов Л.М.* Указ. соч. С. 191.

⁵² Краткий исторический обзор Императорской Главной квартиры. Царствование императора Александра II. С. 71, 74.

⁵³ *Дубецкий В.* На выстрел от выстрелов. (Отрывок из воспоминаний) // Исторический вестник. 1888. Т. 34. № 12. С. 688–689.

⁵⁴ *Соллогуб В.* Дневник... С. 10.

Императора сопровождал Гвардейский отряд почетного конвоя его величества, выполнявший охранные функции вместе с тремя эскадронами собственного его величества конвоя из кубанских и терских казаков. Поскольку поначалу не предполагалось привлечение гвардейцев в предстоявшей войне, Александр II, желая всё же предоставить гвардии возможность принять участие в боевых действиях в лице отдельных ее представителей, 2 мая 1877 г. издал приказ о формировании Гвардейского отряда. В него вошли: сводная рота пехоты, сводный полуэскадрон кавалерии, полурота саперов и пеших артиллеристов, которые набирались из нижних чинов всех пехотных полков и батальонов гвардии, а также трех армейских полков, в которых император был шефом, всего 496 человека (из них 16 офицеров)⁵⁵. Следует подчеркнуть, что Гвардейский отряд был призван не только обеспечивать безопасность императора, но и решать боевые задачи. Поделенный на две очереди, он участвовал соответственно в сражении при переправе через Дунай 15 июня 1877 г. и в сражении под Ловчей (Ловечем) 22 августа. Как и все русские войска, он нес потери убитыми и ранеными. Но у офицеров конвоя имелись некоторые привилегии — они, например, входили в число обедавших вместе с императором, и близкое общение с монархом, как правило, содействовало их дальнейшей быстрой военной карьере⁵⁶. Все офицеры конвоя были удостоены назначения флигель-адъютантами, правда, в разное время: 22 июля 1877 г. — л.-гв. Семеновского полка капитан А.И. Чекарев, 22 августа 1877 г. — л.-гв. Гусарского его величества полка ротмистр Л.Е. Норд, 22 августа 1878 г. — л.-гв. 2-й артиллерийской бригады капитан К.П. Прежбяно и др.⁵⁷

Уже упоминавшийся А. Труайя, отказывавший Александру II в полководческих способностях, не был одинок. С.А. Кочу-

⁵⁵ Краткий исторический обзор Императорской Главной квартиры. Царствование императора Александра II... С. 76–77.

⁵⁶ *Копытов С.* Александр II и его телохранители. Боевые будни Гвардейского отряда почетного конвоя императора на Балканах // Родина. 2016. № 316 (3). С. 102–105.

⁵⁷ Краткий исторический обзор Императорской Главной квартиры. Царствование императора Александра II... С. 79.

ков также утверждал, что военное образование Александра II «было далеко не высокое», хотя он и «носил генеральский мундир и с 14 лет командовал взводом во время учений 1-го Кадетского корпуса». Во время войны, отмечает этот автор, лично царь не принимал участия в командовании, но «всё же пытался давать советы, и ничего хорошего из этого не выходило»⁵⁸. С.А. Кочуков акцентировал внимание на неудовлетворительности образования монарха: «Достаточно скромные познания Александра II в военном деле были понятны всем. И само присутствие императора было лишь необходимой формальностью». Правда, Кочуков не объяснял, на основании каких материалов он делал такие выводы, особенно о несостоятельности Александра II в военных науках. При этом по сравнению с советским историком Беляевым дал более жесткую характеристику взаимоотношений царя и главнокомандующего, подчеркнув, что великий князь, с одной стороны, был явно недоволен присутствием императора на фронте, а с другой, «сваливал на него все свои неудачи». По мнению Кочукова, пребывание монарха на Балканском театре военных действий больше походило «на увеселительную прогулку», хотя в ряде случаев он «выезжал на передовую и видел перестрелку авангардных частей»⁵⁹.

Совсем иное видение сложилось у болгарского историка, академика Всеволода Николаева (до эмиграции он являлся директором Института истории Болгарской академии наук, в эмиграции — профессором университетов в Лувене и Нью-Йорке, основателем Института славяноведения в Нью-Йорке). Он утверждал, что Александр II, несмотря на назначение великого князя Николая Николаевича (Старшего) главнокомандующим, «лично участвовал в войне» и лично руководил многими операциями, нередко «останавливая опрометчивые предложения своего брата». После неудач под Плевной император был единственным человеком во всем русском штабе, который был убежден в конечной победе. В. Николаев оценил план наступления русской армии через Балканы как весьма совершенный, а был он разработан царем, по словам болгар-

⁵⁸ Кочуков С.А. «За братьев-славян»... С. 338, 343.

⁵⁹ Там же. С. 344–345.

ского историка, «в этот момент лучшим и самым подготовленным специалистом в русской армии»⁶⁰.

При наличии в современной историографии двух столь противоположных суждений, естественно, возникает, вопрос: «Кто прав?»

К сожалению, даже простое сопоставление некоторых событий в изложении историографии до 1917 г. и после, включая XXI век, выявляет значительные различия. Например, из информации о военном совете 1 (13) сентября 1877 г. в современной литературе совершенно выпала фигура К.В. Левицкого — получается, что один Д.А. Милютин противостоит главнокомандующему. Не совсем понятна позиция и императора: он поддержал своего военного министра в самый последний момент, убежденный его доводами, или шел на совет с уже сложившимся мнением, и Милютин прежде высказывал эту точку зрения?

Л.Г. Захарова первая в современной литературе вспомнила фразу Александра II о поездке его на фронт в качестве «брата милосердия»⁶¹, что, по ее мнению, свидетельствовало лишь о человечности и милосердии монарха. Опираясь на статью Захаровой, эти слова императора повторил Кочуков, подчеркнув, что «к заслугам царя можно отнести тот факт, что он не просто наблюдал за войной, а навещал раненых в госпиталях, награждал солдат и офицеров, которые показали себя в боях»⁶². Глубинную сущность слов Александра II — «Я еду братом милосердия» — понял только Л.М. Чичагов, боевой офицер⁶³, из-

⁶⁰ Николаев В. Александр II. М., 2005. С. 341–354.

⁶¹ Захарова Л.Г. Александр II... С. 207.

⁶² Кочуков С.А. «За братьев-славян»... С. 343, 347.

⁶³ Л.М. Чичагов, будучи подпоручиком 1-й Его величества батареи гвардейской конно-артиллерийской бригады (в 1878 г. — поручик), прошел Балканы от Дуная до берегов Мраморного моря и был награжден за отличие в сражениях под Горным Дубняком и Телишем орденом св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», за переход через Балканы 13–19 декабря 1877 г. — орденом св. Станислава III ст. с мечами и бантом, за сражение под Филиппополем (Пловдивом) 3–5 января 1878 г. — орденом св. Анны III ст. с мечами и бантом, саблей с дарственной надписью от императора (за осаду и взятие Плевны). См.: Чичагов В.П. Владыка Серафим (Чичагов) как участник и описатель русско-турецкой войны 1877–1878 гг. М., 2004.

бравший после войны духовную стезю священнослужителя, а затем монаха (о. Серафим, митрополит Ленинградский и Гдовский). Он сумел раскрыть перед современниками смысл выбора императора, но, к сожалению, в настоящее время суждения Чичагова вспоминают крайне редко. Между тем они очень важны, ибо позволяют взглянуть на пребывание российского монарха на Балканском фронте в совершенно ином свете. В связи с этим необходимо, на наш взгляд, обратиться к размышлениям Чичагова, чтобы показать, насколько односторонне и зачастую предвзято рассуждают современные историки об Александре II.

Чичагов писал, что в задачу царя не входило «встать во главе победоносной армии и руководить ее действиями, чтобы приобрести лавры военачальника или насладиться собственной славой, являясь при въездах в большие города и даруя им жизнь и свободу». Этот военный триумф он «предоставил своему брату — главнокомандующему — и доблестным войскам». Для себя он выбрал тыл армии — место средоточия перевязочных пунктов, лазаретов и госпиталей, представлявших собой ужасные картины войны, смерти и истребления, где «всё кровь, вечно страдания, плач, стоны и вопли». Чичагов убедительно показал огромное отличие в духе и настроениях армии на передовых позициях и в тылу, т.е. в госпиталях. «Передовые линии войск состоят из людей, охваченных чувством патриотизма, которое их безотчетно ведет вперед, обещая славу и торжество. Солдат, собирающийся в поход, всегда убежден, что он вернется живым». Офицеры и солдаты рвутся в бой. «На позициях они заняты делом, постоянно им развлечены, живут сплоченно, дружно, в многочисленном кругу однополчан, у каждого впереди будущее, иногда светлое и заманчивое. Постоянно слышатся шутки, веселье, забавы, которые прерываются лишь в часы боя, потрясающего нервы». «Жажда боя и борьбы не прерывается в кругу здоровых, счастливых и отличившихся. Затем для поддержки нравственной здесь есть всё: пример начальника, взаимная выручка, слово друга и оценка товарища». Иное дело в тылу: «В воздухе постоянный стон. Доктора, сбросив мундиры, с засученными рука-

вами работают с утра до ночи, еле успевая стирать с лица пот». «Везде пахнет кровью и хлороформом. Тут же между ранеными ходят священник в епитрахили и с крестом, напутствуя их». «Бой, отбитая атака, бегство и преследование — всё это не раздражает так душу, не имеет столь потрясающих картин, которые вы видите в повозках, везущих полумертвых бойцов». Описав тягостные реалии перевязочного пункта и госпиталя, Чичагов заключал: «Чувство самосохранения невольно заставит всякого бежать отсюда, дабы примкнуть к рядам войск, идущим под звуки музыки с распущенными знаменами в атаку на неприятельские позиции. Не каждый способен вытерпеть нравственные мучения госпитального врача или медсестры милосердия, которые днем и ночью неустанно и неотступно находятся при раненых и больных, в гнилой атмосфере, вдыхая в себя заразу и имея перспективы в недалеком будущем также улечься рядом с этими несчастными. Какой подвиг может быть ещё выше? Для этих испытаний нужны: и храбрость, и мужество, и терпение». Александр II достойно нес этот «тяжкий и мучительный крест», который он добровольно возложил на себя. Только ежедневное присутствие царя в госпиталях, подчеркивал Чичагов, могло заставить раненых забыть свое горе, а также обрести «уверенность, что каждая просьба будет не только услышана, но и исполнена», внимание монарха и его ласковое слово мирило их с судьбой, утешало, и «раненые гордились своим положением»⁶⁴.

Для подтверждения слов Чичагова следует привести лишь один эпизод, который нашел отражение сразу в нескольких источниках. Так, 14 июля 1877 г. отряд генерал-лейтенанта И.И. Воронцова-Дашкова, командующего кавалерией Рушукского отряда, производя рекогносцировку, вступил в сражение с турками близ Разграда. 18 июля 169 человек раненых были доставлены в 56-й военно-временный госпиталь у селения Бела (Бяла), где в то время находилась Императорская Главная квартира. Лейб-медик С.П. Боткин поспешил к транспорту с ранеными и увидел «больных еще на телегах, неумытых, замученных от переезда в 40 верст на арбах по скверным до-

⁶⁴ Чичагов Л.М. Указ. соч. С. XIV–XXIII.

рогам». Об этом он писал своей супруге: «Тяжелое впечатление! С непривычки оно даже и нашего брата-врача забирает. Да, это тяжелый вид. У меня не раз наворачивались слезы, слушая эти стоны и смотря на изнемогающих от ран, от солнца, от тряски и усталости людей»⁶⁵. После обеда император в сопровождении дежурного офицера Н.П. Игнатъева, а также Боткина посетил этот госпиталь, который был расположен за р. Янтрой. «Надо было видеть обаяние, которым пользуется государь, преобразующий стонущих, капризных и еле двигающихся страдальцев в улыбающихся молодцов одним своим появлением»⁶⁶, — удивлялся Игнатъев. «Наиболее тяжело раненым царь собственноручно раздавал ордена, то есть крест св. Георгия. Надо было всмотреться, как я, в выражения лиц получивших знаки отличия, чтобы прийти в восторг от храбрцев, смотрящих смерти и царю прямо в глаза»⁶⁷, — завершал свой рассказ Игнатъев.

Боткин, вновь пришедший в госпиталь, но в этот раз уже вместе с монархом, поразился удивительной перемене в настроении раненых, увидевших Александра II: «Ни одного раненого нельзя было узнать. Ни одного стоны, ни одного вздоха не было слышно. Все лица просветлели. Все взоры одушевились радостью и благодарностью. Простреленные в ноги хотели держаться на ногах! Прежнее тяжелое чувство заменилось отрадным впечатлением»⁶⁸. Боткин поделился своими впечатлениями с Александром II, и монарх записал в дневнике: «Боткин, который видел раненых в момент их прибытия, утверждает, что их не узнать, поскольку мое присутствие возродило их, так я счастлив ободрять их своими словами, идущими из сердца»⁶⁹. Современному человеку не надо объяснять, какое значение для больного человека имеет его психологическое состояние: положительные эмоции и стремление

⁶⁵ *Боткин С.П.* Письма из Болгарии 1877 г. СПб., 1893. С. 101.

⁶⁶ *Игнатъев Н.П.* Походные письма... С. 139.

⁶⁷ Там же. С. 139.

⁶⁸ *Соллогуб В.* Дневник... С. 63–64.

⁶⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 678. Оп. 2. Д. 6. Л. 38.

к скорейшему выздоровлению побеждают уныние и способствуют исцелению от ран и болезней. Соллогуб, описывая посещение Александром II госпиталя, отметил два очень важных обстоятельства: «государь знает всю силу своего влияния на свои войска» и «счастлив тот народ, который умеет еще любить и верить»⁷⁰.

Наличие и силу монархического чувства у офицеров и солдат демонстрировали не только сцены в госпиталях при их посещении Александром II, но и описания встреч императора со своими войсками на марше или на смотрах, о чем сообщается во многих опубликованных материалах, вышедших из-под пера участников русско-турецкой войны. Например, даже военный министр Милютин не удержался и записал 17 октября 1877 г., что царь выезжал встречать Гвардейский Финский стрелковый батальон и вместе с ним доехал до бивуака Гвардейской стрелковой бригады. Там он по обыкновению был окружен офицерами и солдатами, долго бежавшими за его коляской с криками «ура»⁷¹. Воодушевление, которое охватывало войска при встречах с императором, помогало им преодолевать походные трудности, идти в бой и побеждать врага. К сожалению, этика почитания монарха, т.е. благоговейное многовековое внутреннее чувство к **помазаннику Божьему**, в современном обществе утрачена. Нам в XXI столетии подчас трудно понять громадную силу морального воздействия царя на солдат и офицеров, и поэтому, оценивая значение пребывания Александра II при Дунайской армии, историки упускают из виду данную важную сакральную составляющую в отношениях между монархом и русским войском.

Во время всего своего пребывания с Дунайской армией император являл собой пример необыкновенной выдержки, стойкости духа, спокойной уверенности и доброго настроения. В отличие от этого многие из его окружения, люди «не первой молодости», привыкшие, по словам Боткина, «к известному комфорту жизни», но вынужденные жить то «в середине поля под непосредственным почти влиянием знойного

⁷⁰ Соллогуб В. Дневник... С. 64.

⁷¹ Милютин Д.А. Дневник... С. 223.

солнца», то в холодных балканских домах, не выдерживали и «раскисали»⁷².

Каждый день Александра II, как и в Петербурге, был предельно насыщен работой и расписан по часам. Он обычно вставал в 8:00 утра независимо от того, во сколько лег спать накануне. На замечания лейб-медика о необходимости более продолжительного сна из-за утомления в отдельные дни император неизменно отвечал, что не может себе этого позволить, поскольку не успеет всего сделать. До утреннего кофе он посещал лазареты, затем читал телеграммы и донесения о военных действиях, внимательно следя за положением дел на фронтах. После завтрака с 12:00 монарх занимался бумагами, присланными из Петербурга, принимал доклады министров и других лиц. Причем, он никогда не прерывал работу из-за «необыкновенной жары», которая стояла в летние месяцы днем в Болгарии, и переносил тяжесть чужого климата и «все неудобства безропотно». В 16:00 царь ложился на час отдохнуть, но приказывал его непременно будить в случае важного известия. В 17:00 он отправлялся на прогулку, во время которой навещал лазареты и войска. В 19:00 подавался обед, в 21:30 — чай. В это время читались выдержки из газет, присланные министром иностранных дел из иностранных, а министром внутренних дел — из русских изданий. Александр II, обладавший замечательной памятью, поражал присутствовавших «знанием мельчайших исторических фактов и подробностей каждого сражения». Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич приезжал обычно раз или два раза в день. Около 23:00 все расходились, а «император работал у себя до часу ночи. Если ночью получалась телеграмма, то государя каждый раз будили». Такой установившийся распорядок изменялся только в те дни, когда император отправлялся на позиции⁷³.

Чичагов подчеркивал, что с переходом через р. Янтру «прекратились известия, радовавшие государя, и настали невы-

⁷² Боткин С.П. Письма... С. 129.

⁷³ Чичагов Л.М. Указ. соч. С. 229–230.

разимые для него страдания, которые еще более мучительно отзывались на Его величестве, так как ему приходилось их переживать в одиночестве, без возможности высказать кому-либо свое горе». В присутствии «войсковых начальников, раненых и свиты он должен был наружно выказывать противоположное тому, что чувствовал внутри себя». «За всё время ни разу никто не слышал от государя малейшей жалобы на неудобства или слова досады, упрека и не видел неприветливой улыбки или огорченного взгляда. Только похудевшее лицо императора свидетельствовало о тех страданиях и нервных потрясениях, которые испытывал он наедине в своей сырой палатке»⁷⁴, — отмечал Чичагов.

Можно, разумеется, критически воспринимать суждения военных историков дореволюционной России и обвинять их в пристрастности за тот пиетет, с которым они писали о заслугах Александра II. Но нельзя сбрасывать со счетов мнение, например, английского военного агента полковника Ф.-А. Веллеслея, квалифицированного военного специалиста, который находился при Императорской Главной квартире в Придунайской Болгарии. Этот англичанин, которого трудно заподозрить в особых симпатиях к России в целом и к ее самодержцу в частности, считал, что «успехом похода Россия одолжена вполне императору», который, «хотя не был Наполеоном, но отличался спокойным умом и здравым смыслом, позволявшими ему благоразумно решать спорный вопрос и поддерживать эту решимость с твердостью»⁷⁵.

Странно, почему до сих пор не принимаются во внимание высказывания на этот счет самого Александра II. Сохранилась запись генерал-адъютанта Н.Н. Обручева беседы (23 августа 1880 г.) с императором по прочтении последним «Записки», которая была написана генералом по поводу статьи, напечатанной во французском журнале «Nouvelle Revue»

⁷⁴ Там же. С. 221.

⁷⁵ *Тимирязев В.* Иностранцы в России. Воспоминания полковника Веллеслея о России во время мира и войны // Исторический вестник. Т. 102. № 11. 1905. С. 712.

(1 и 15 июня 1880 г.), где ее автор Цион (а было известно, что за ним стоит фигура великого князя Николая Николаевича, бывшего главнокомандующего Дунайской армии) грубо искажал события русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Отмечая бестактность француза, царь «очень коротко говорил»: «И сколько я их (т.е. главнокомандующего и его штаб. — М.Ф.) предостерегал; от скольких глупостей избавил. Напоминал им и о флангах, и о Систове, чтоб обеспечили себя, а не рвались наудалую. Предупреждал перед второй Плевной быть осмотрительными, что у *Османа* большие силы, но они прислали сказать, что мои сведения преувеличены. А 30 августа! Что они сделали!! Приезжаю на другой день узнать, какие распоряжения? Главнокомандующий докладывает, что нам остается только отступить, что начали войну малыми силами, вооружение никуда не годно, артиллерия плоха, армия ничем не обеспечена. Я только изумился. Подзываю военного министра и повторяю всё сказанное. Тот пришел просто в ужас и говорит: “Ваше Величество, ведь это невозможно! Это позор! Как нам отступить, когда мы не знаем еще, что у турок делается, ведь может быть, они сами начнут отступать. Кто нас теснит. Мы должны стоять. Подойдут подкрепления, и мы возьмем свое”. Главнокомандующий же напал на него, ну, если хотите оставаться в Болгарии, говорит, то и берите сами командование! Я успокоил его и, зная, какую несусь перед Россией ответственность, приказал на другой день собрать военный совет. На совете все, как и главнокомандующий, высказались за отступление, чтобы отойти к Систову и там ждать подкреплений, только *Левинский* был против. Но мое решение было уже твердо. Я приказал стоять. И хороши бы мы были, если б не остались. Бог помог!»⁷⁶.

Современная историография совершила настоящий прорыв, отбросив старые клише в оценке реформ 1860–1870-х гг.

⁷⁶ Записка о русско-турецкой войне 1877–78 гг., составленная генерал-адъютантом Обручевым в 1880 г. // Описание русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Вып. 4. Соображения, касающиеся плана войны. СПб., 1901. С. 93–94.

и «заметив» наконец роль Александра II в их проведении. Л.Г. Захарова отмечает, что в марксистской литературе привыкли считать, что император «был *вынужден* приступить к радикальной реформе под давлением обстоятельств из страха перед возможностью крестьянских волнений. В действительности, осознав неизбежность крупномасштабных внутренних перемен во имя величия Державы, её места в мире после проигранной войны (Крымской. — *М.Ф.*), он *вдохновился* идеей отмены крепостного права и, однажды определив эту цель, следовал по избранному пути неукоснительно и решительно...»⁷⁷. А.А. Левандовский подчеркивал, что освобождение крестьян и последующие реформы, «призванные в корне изменить русскую жизнь, как, наверное, не менял ее еще никто...», есть «жизненный **подвиг**» Александра II, и он назван «*Освободителем* по заслугам»⁷⁸. В.Г. Чернуха делает вывод, что Александр II был великим реформатором.

При определении значения присутствия Александра II на Балканском фронте в 1877 г. историки привычно оглядываются на мнения современников тех событий. Но, к сожалению, многие персоны из высшего света, включая и высокопоставленных чиновников, нередко играли роль «пятой колонны» в России. Позволим себе привести обширную цитату из «Дневника» полковника Газенкампа, который 21 ноября 1877 г. с огорчением записал следующее (напомним, что это был период утомительного стояния у Плевны в тягостном ожидании сдачи крепости): «Вчера вернулся из Петербурга флигель-адъютант полковник Кладищев и привез самые возмутительные сведения о тамошних сплетнях и пересудах». Главнокомандующего великого князя «громко и резко бранят, не стесняясь, войну клянут. К неудачам наших войск относятся со злорадным торжеством, как будто это войска неприятельские. Высшие сановники не только потворствует этому растленному направлению, но сами

⁷⁷ Захарова Л.Г. Александр II и место России в мире... С. 379.

⁷⁸ Левандовский А.А. Предисловие // Ляшенко Л. Александр II. М., 2002. С. 18–19.

подают пример. Из среды *высшего* общества пущены в ход злобные остроты: “Нынешняя война — неудачный пикник дома Р.” К военным бюллетеням придираются: то ропщут на недостаточность сведений, то на извещения, что всё спокойно и ничего нового нет. А по поводу одной телеграммы, в которой было сказано, между прочим: “Всюду холод и ненастье, на Балканах снег идет”, сейчас же сочинили и пустили в ход ругательное четверостишие, о котором предпочитаю умолчать»⁷⁹.

Ведя дневник военных действий на Балканском фронте, составляя отчеты главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, а также ведая его корреспонденцией с Александром II, Газенкампф, будучи профессором Николаевской академии Генерального штаба, отлично знал, кто был «мозгом» войны, а кто исполнителем, пусть даже весьма талантливым. Он также знал, что необходима «историческая дистанция», чтобы события предстали в истинном свете и «тайное сделалось явным»⁸⁰. Нам кажется, что уже начались определенные «подвижки» и в этом направлении. Так, современный историк А.Н. Боханов, издавший монографии о некоторых российских императорах (Павле I, Николае I, Александре III, Николае II), писал, что для Александра II, находившегося неделями на передних рубежах, это был «его священный долг, его высшая обязанность, пренебречь которой он не мог и не имел права. Он был за всё в ответе, он был русский правитель, получивший корону по Божественному соизволению и клятвой обязанный блюсти интересы, покой и престиж завещанной ему предками державы»⁸¹.

Таким образом, перед современной исторической наукой стоит задача объективного исследования деятельности Александра II во время его пребывания на Балканском фронте и его роли в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

⁷⁹ Газенкампф М.А. Мой дневник... С. 184–185.

⁸⁰ Там же. С. 290.

⁸¹ Боханов А.Н. Предисловие // Митрополит Серафим (Чичагов). Доблести русских воинов. Рассказы о подвигах солдат и офицеров в русско-турецкой войне 1877–1878 годов. М., 2006. С. 15–16.

РЕЗЮМЕ

**АЛЕКСАНДЪР II НА БАЛКАНСКИЯ ФРОНТ ПРЕЗ 1877 г.:
КОНСКИ КАПАЦИ НА ИСТОРИОГРАФИЯТА**

В статията се разглежда проблемът — как в досегашната историография се осветлява петмесечното пребиваване на Александър II в Дунавската армия. В предреволюционната литература, която с пиетет се отнася към императора, се разкрива сакралния смисъл на присъствието му в руските войски (тук се смята за ключова фразата на императора «Отивам на фронта като брат на милосърдието»), а също се очертава ролята му при вземането на решения, от които зависи съдбата на цялата военна кампания. В съветската историография пребиваването на Александър II на Балканския фронт практически не се отбелязва, и ако името му се споменава, то се прави само в негативен контекст. В литературата от края на 1990-те години насам — критиката се засилва. Но упрекъг към Александър II за това, че той е взел със себе си стотици придворни, твърдението, че той не е притежавал пълководчески качества и е нямал достатъчни знания във военното дело, а също така и обвинението, че пребиваването му на Балканите за него било весела разходка, и т.н., нямат сериозна доказателствена база и лесно се опровергават дори при привличане на сравнително неголемия комплект от публикувани извори. По такъв начин пред съвременната историческа наука се поставя задачата за обективното проучване на дейността на Александър II по време на пребиваването му на Балканския фронт и на ролята му в руско-турската война 1877–1878 г.